

UDK 808.1

L. Y. BUYANOVA,
doctor of Philological sciences,
professor of Kuban State University

O. YU. SCHIBRYA,
working for doctor's degree
at Kuban State University

ARTISTIC TEXT AS A UNIQUE MODEL OF MENTAL PEACE

Discusses the specificity, the most important features and functions of the artwork is copyright agent of inner peace. With special emphasis on mentality and kognitivnosti, defined as the main interrelated ontological text properties.

Key words: mental picture of the world, artistic text, mental-representative function text, cognition.

За последние годы исследования в области художественного текста настолько расширили интерпретационные рамки, что к настоящему времени его определение и характеристика базовых параметров отличаются весьма существенным разнообразием и многообразием критериев и избираемых подходов.

Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн вполне, обращаясь к этой теме, считают, что основное отличие художественного текста от остальных состоит в том, что «художник слова пользуется общим языком, но для описания ситуации, посредством которой он выражает *свою философию, свое понимание мира* <...> Главное в этой “двухэтажности” художественного текста [выделено нами. – Л. Б., О. Щ.]» [1].

Исследуя эстетическую природу художественного слова и текста, Л. А. Новиков отмечает: «именно этот “авторский взгляд”, воплощенный в словах, и делает язык искусством и источником эстетического переживания и наслаждения» [2]. В авторской языковой картине мира отражается и эстетика этого мира, и эстетическая система самого автора – творца виртуального художественного мира. Как считает учёный, «эстетическая коммуникация писателя и читателя осуществляется посредством литературного произведения и находит наиболее полное и глубокое выражение в его фокусе – категории автора (“образе автора”), которая выступает одновременно и как воплощение замысла писателя, и как аппарат исследователя, наиболее адекватное отражение сути произведения» [3].

Художественный текст интерпретируется как продукт и средство реализации коммуникативной задачи, встающей и перед автором, и перед реципиентом, ведущей, в конечном итоге, к когнитивному познанию, т. е. фиксации процесса приобретения знаний и опыта и его результатов. В лингвистике текста также активно развивается когнитивное направление, опирающееся на понятие *когниции* – «проявление умственных, интеллектуальных способностей человека и <...> осознание самого себя, оценку самого себя и окружающего мира, *построение особой картины мира* [выделено нами. – Л. Б., О. Щ.]» [4], в данном случае через текст. При этом получаемая информация трансформируется, перерабатывается, преобразуясь в *ментальные репрезентации* разного типа.

При создании художественного текста задействуются и активизируются все когнитивные способности автора: память, наблюдение, анализ, внимание, воображение, восприятие, понимание, способность к интерпретации; метафоризация как глобальный когнитивный навык (процесс) лежит в основе создания словесной художественной ткани, «наполненной» метафорами, сравнениями, олицетворениями, коннотациями и т. п.

Особую когнитивную функцию в художественном тексте выполняют ключевые вербальные знаки, которые являются средством репрезентации авторской ментальности и когниции, участвуя в построении текстовой ментально-когнитивной структуры. Аккумулируя в себе систему авторского знания и опыта, они как узлы уникальной «сети» авторской картины мира маркируют её доминантные ассоциативно-смысловые фрагменты.

Фундаментальным свойством художественного текста, как и любого другого, выступает *антропоцентричность*: текст создаётся человеком – творцом, автором текста; главным объектом (субъектом) его изображения почти всегда является человек; создается текст также для восприятия человеком, что и обуславливает его абсолютную антропоцентричность.

Интерпретируемость художественного текста выступает его фундаментальным качеством: каждая интерпретация любого текста есть также специфическая когнитивная процедура, так как расшифровка в сознании реципиента культурно-смыслового кода текста

базируется на ментально-языковом коде самого реципиента, на тех структурах знания, которые присущи только ему и могут не совпадать с когнитивной базой автора текста.

Диалогичность художественного текста – его релевантное свойство – коррелирует с такими качествами, как **бесконечность, открытость, многослойность** его содержания, что не допускает однозначной интерпретации. Всякое понимание текста, являя собой особый когнитивный процесс, есть соотнесение его с другими текстами.

Когнитивно значимыми параметрами текста выступают **статичность** и **динамичность**: художественное произведение одновременно находится и в статическом состоянии, и в динамическом (аспектность перцепции, интерпретации, анализа и т. д.). С позиций когнитивного подхода **напряжённость** текста интерпретируется в качестве процессуальности совмещения знаний о чём-либо или о ком-либо автора и читателя, когда читательское «внешнее» знание не совпадает с «внутренним», ментальным знанием творца текста.

Важнейшим параметром художественного текста следует признать его **ментально-репрезентативную функцию**: любой художественный текст отражает (и формирует в сознании реципиента) особую уникальную модель специфического мира – мира ментального.

По определению В. А. Масловой, «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Единицей ментальности признаётся концепт данной культуры (см. Словарь концептов русской культуры Ю. С. Степанова)» [5]. Безусловно, бессмертные в своей художественности и истинности классические тексты Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. И. Солженицына, В. Распутина и многих других отечественных и зарубежных писателей, с «ментальной» точки зрения, также являются единицами ментальности, так как воплощают в себе и репрезентируют особого рода национально-ментальные концепты, уникальный ментальный мир.

Колесов В. В. предлагает следующее определение понятия ментальности: «Ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [6]. Исследователь соотносит понятие ментальности с понятием духовности, подчёркивая их неразрывность.

Думается, сегодня необходимо активизировать исследование художественного текста через призму его трактовки как уникальной модели ментального мира автора, через призму ментальности. Сопряжение в едином проблемном поле когнитивно-ментального и текстологического подходов при анализе специфики художественного текста позволяет расширить возможности моделируемости феномена текста, понять его уникальность как духовно-ментального конструкта, в котором запечатлён и отражён менталитет и творца текста, и всего сообщества носителей национального языка. **Когнитивность** и **ментальность** – важнейшие онтологические свойства художественного текста, которые не существуют отдельно друг от друга.

Когнитивно-ментальная картина мира текста представлена его концептосферой и системой ментальных репрезентаций, она соотносится с мыслительными операциями, понятиями, идеями, представлениями, оценками, эмоциями, образами, подчиняясь логическим законам мышления и сознания как глобального когнитивного процесса.

Мощным когнитивным потенциалом характеризуются и все части речи, языковые репрезентанты которых активируют те или иные когнитивные структуры и осуществляют вербализацию авторского смысла и замысла. Уникальная авторская ментальная картина мира формируется посредством всего многообразия частеречных структур и форм в процессе номинативной деятельности, представляющей собой специфический когнитивный процесс (процедуру). Художественный текст содержит эстетический смысл, несёт эстетическую информацию, воздействуя эмоциональным импульсом на читателей.

Особенность художественного текста (как текста художественного произведения) по сравнению с другими типами текста, по мнению В. П. Белянина, состоит в том, что он «представляет собой личностную интерпретацию действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком, развивает такие соображения, которые ему близки и понятны, использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом» [7]. В. А. Пищальникова считает, что «художественный текст

можно определить как коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [8]. По мысли В. Г. Адмони, художественный текст – это «возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника, душевное, чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания» [9]. Все представленные выше определения объединяет акцент на универсальном свойстве художественного текста – *авторской ментальности*.

Механизмы, способы и средства отражения окружающей реальности в художественном тексте ментально обусловлены и определяются уникальностью языковой личности автора. В основе ментальной картины мира человека лежит его индивидуальное когнитивное пространство – определённым образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает языковая личность. Индивидуально-ментальная картина мира, помимо когнитивного и интеллектуального компонента (информация о мире), включает в себя модальный компонент – ту или иную оценку получаемой информации. В художественном тексте – уникальной модели ментального мира автора – находит отражение индивидуальность интерпретации окружающего мира, преломление знаний о действительности через ментально-духовные, социально-психологические, философские, идеологические и иные плоскости.

Будучи ментальным пространством, художественный текст в первую очередь соотносится с миром эмоций и чувств человека и с помощью этого может дать представление об истинной природе человеческих переживаний и их силе по той форме, которую они приобретают, попадая из внутреннего мира во внешний, т. е. благодаря художественному слову [10]. Эмоции, репрезентированные в художественном тексте, представляют собой особую психологическую реальность, они отражают внутренний мир персонажа (и автора) в различных обстоятельствах, в отношениях с другими субъектами, «рисую» уникальную картину ментального мира творца текста.

Литература

1. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. С. 18–19.
2. Новиков Л. А. Развитие словесного образа в художественном тексте // Новиков Л. А. Избранные труды в 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 172.
3. Новиков Л. А. Об изучении языка художественной литературы // Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 192.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. М., 2004. С. 81.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 49.
6. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2007. С. 11.
7. Беянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М., 2000. С. 55.
8. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994. С. 120.
9. Пищальникова В. А. Проблема лингвоэстетического анализа художественного текста.
10. Буянова Л. Ю. Эмоция, коммуникация, текст: линии взаимокорреляции // Вербальные аспекты семантических архитектур языка. Краснодар, 1998. С. 69–91.

References

1. Murzin L. N., Stern, A. S. Tekst i ego vospriyatie [The text and its perception]. Sverdlovsk, 1991. S. 18–19.
2. Novikov L. A. Razvitie slovesnogo obraza v hudozhestvennom tekste [The development of verbal image in text] // Novikov L. A. Izbrannye trudy v 2 t. T. 2. M., 2001. S. 172.
3. Novikov L. A. Ob izuchenii yazyka hudozhestvennoj literatury [To the language of fiction study] // Novikov L. A. Izbrannye trudy v 2 t. T. 2. M., 2001. S. 192.
4. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke [Language and knowledge: the knowledge of the language]. M., 2004. S. 81.
5. Maslova V. A. Lingvocul'turologiya [Lingvocultural studies]. M., 2001. S. 49.
6. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste [Russian mentality and language text]. СПб., 2007. S. 11.
7. Belyanin V. P. Osnovy psiholingvisticheskoy diagnostiki. (Modeli mira v literature) [Foundations of psycholinguistic diagnostics. (Models of the world in the literature)]. M., 2000. S. 55.
8. Admoni V. G. Sistema form rechevogo vyskazyvaniya [System forms of speech utterance]. SPb., 1994. S. 120.

9. *Pishchal'nikova V. A.* Problema lingvoesteticheskogo analiza hudozhestvennogo teksta [Problem lingvoaesthetic analysis of a literary text].

10. *Buyanova L. Yu.* Emotsiya, kommunikatsiya, tekst: linii vzaimokorrelyatsiy [Emotion, communication, text: mutual correlation line] // Verbal'nye aspekty semanticheskikh arhitektonik yazyka. Krasnodar, 1998. S. 69–91.

УДК 81'374

И. П. НАЗАРОВА,
кандидат филологических наук,
доцент Кубанского государственного
университета физической культуры,
спорта и туризма

Е. Н. РЯДЧИКОВА,
доктор филологических наук,
профессор Кубанского
государственного университета

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ БИБЛЕИЗМОВ В РАЗЛИЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Рассматривается роль библейских слов и выражений в современном речевом потоке. Представлены результаты исследования, проведённого на материале пяти современных словарей, которые не согласуются друг с другом относительно некоторых экспрессивно-стилистических помет при библеизмах.

Ключевые слова: библеизм, экспрессивно-стилистическая помета, кодифицирование, речевая компетенция.

UDK 81'374

I. P. NAZAROVA,
candidate of Philological sciences,
associate professor of Kuban State University
of physical culture, sports and tourism

E. N. RYADCHIKOVA,
doctor of Philological science,
professor of Kuban
State University

EXPRESSIONAL AND STYLISTIC LABELS OF BIBLICAL EXPRESSIONS IN VARIOUS DICTIONARIES

Role of biblical words and expressions in modern speech analyzed. Represented the results of the research conducted on material of five modern dictionaries which won't be agreed with each other rather some expressional and stylistic labels of biblical words and expressions.

Key words: biblical expressions, expressional and stylistic label codification, speech competence.

В течение столетий и тысячелетий библейская образность была общим культурным достоянием народов, исповедующих Писание.

Современная российская действительность такова, что библейские слова и фразы, ранее преданные забвению, теперь всё чаще проникают в нашу речь, особенно в газетные статьи, телерепортажи, радиокомментарии, речь политиков. При создании положительного имиджа политик, как отмечает С. В. Гриппа, ориентируется не только на «свой» электорат, но и на неопределившуюся его часть, употребляет в своей речи конфессиональную лексику, библеизмы, советизмы, лозунги старой и новой риторики [1]. Но в связи с утратой многих общекультурных и речевых традиций «иногда встречается неправильное употребление библейских выражений в повседневной речи, что обусловлено их неверным толкованием» [2]. Однако, поскольку «сейчас Россия вступает в “философскую, разумно-правовую эпоху своей многовековой истории, осознаёт необходимость новых систем философского и религиозного образования, основанных <...> на идеях классической философской и теологической культуры» [3], постольку существует острая необходимость вновь познавать и возрождать эту утраченную было культуру со всеми её тонкостями. Истинная культура, как известно, невозможна без культурного языка, основанного на давних традициях и вобравшего в себя многие знания и устои прошлого.

Глубочайшая мудрость и глубинные смыслы языка Священного Писания не устаревают с течением времени, не «стираются», как долго бывшие в ходу монеты, а напротив, способны открывать всё новые и новые пласты духовности новым поколениям людей. Биб-